

Фредерик Браун

Этаоин Шрдлу

Фредерик Браун

Этаоин Шрдлу

«Наследник Стругацких»

1942

Браун Ф.

Этаоин Шрдлу / Ф. Браун — «Наследник Стругацких», 1942

© Браун Ф., 1942

© Наследник Стругацких, 1942

Фредерик Браун Этаин Шрдлу

Поначалу это дело с линотипом Ронсона казалось довольно забавным. Но еще задолго до конца от него стало слишком явно пахнуть жареным. И хотя Ронсон здорово нажился на этой сделке, я бы ни за что не послал к нему человечка с шишкой, если бы знал, что из этого получится. Чересчур дорого обошлись Ронсону его баснословные прибыли.

– Мистер Уолтер Мерольд? – осведомился человечек с шишкой. Он явился в контору отеля, где я живу, и я велел препроводить его в мой номер.

Я признался, что это я и есть, и он сказал:

– Рад с вами познакомиться, мистер Мерольд. Меня зовут...

Он назвал себя, но я не запомнил его имени. Хотя обычно хорошо запоминаю имена.

Я сказал, что счастлив встретиться с ним, и спросил, чего он хочет. Он принялся излагать свое дело, но очень скоро я его прервал.

– Вас ввели в заблуждение, – сказал я ему. – Да, в свое время я был специалистом-печатником, но теперь ушел в отставку. И вообще, известно ли вам, что изготовление нестандартных матриц для линотипа стоит чудовищно дорого? Ежели вам так уж требуется отпечатать всего одну страничку ваших закорючек, то лучше написать эту страничку от руки и затем изготовить цинковую фоторепродукцию.

– Но именно это меня и не устраивает, мистер Мерольд. Ни в какой степени. Видите ли, все это должно храниться в тайне. Лица, которых я представляю... Но оставим их. Для изготовления фоторепродукции мне пришлось бы показать ее посторонним, чего я как раз не имею права делать.

Сумасшедший, подумал я и присмотрелся к нему повнимательней.

Он не был похож на сумасшедшего. Вообще выглядел он вполне заурядно, хотя в нем чувствовалось что-то иностранное, я бы сказал – азиатское, несмотря на то, что он был блондин с белой кожей. И на лбу у него была шишка, точно посередине, прямо над переносицей. Такие шишки можно видеть у статуй Будды; обитатели Востока называют их шишками мудрости.

Я пожал плечами.

– Послушайте, – сказал я, – ну кто сможет изготовить вам матрицы с этими вашими закорючками, не видя самих закорючек? Да и тот, кто будет работать на машине, тоже увидит...

– О, все это я сделаю сам, – сказал человечек с шишкой. (Впоследствии мы с Ронсоном назвали его ЧСШ, что было сокращением от «человечка с шишкой», потому как Ронсон тоже не запомнил его настоящего имени; но я забегаю вперед.) – Разумеется, гравер их увидит, но он увидит их как отдельные буквы, а это значения не имеет. Текст же на линотипе наберу я сам. Кто-нибудь покажет мне, как это делается, мне ведь надо набрать всего одну страницу, какие-то два десятка строк, не больше. И печатать текст не обязательно здесь. Мне нужен только набор. И неважно, сколько это будет стоить.

– Ладно, – сказал я. – Я направлю вас к одному человеку в Мергантейлере, к граверам. Они изготовят вам матрицы. Затем, если вам уж так необходимы уединение и доступ к линотипу, повидайте Джорджа Ронсона. Дважды в неделю он выпускает нашу местную газетку. По сходной цене он уступит вам свою лавочку на столько времени, сколько потребуется, чтобы набрать ваш текст.

Так оно и получилось. Через две недели, утром во вторник, мы с Джорджем Ронсоном отправились на рыбалку, а ЧСШ тем временем принялся набирать на линотипе Ронсона текст при помощи жуткого вида матриц, которые он только что получил воздушным экспрессом из Мергантейлера. Накануне вечером Джордж показал человечку, как работать с линотипом.

Мы поймали по дюжине рыб, и, помнится, Ронсон, хихикнув, сказал, что он выудил и еще одну рыбку – ЧСШ уплатил ему пятьдесят монет наличными только за одно утро работы в типографии.

И когда мы вернулись, все было в порядке, если не считать того, что Джорджу пришлось выгребать из металлоподавателя медь, так как ЧСШ вдребезги разбил все свои новенькие медные матрицы, когда в них миновала надобность, и не знал, что смешивать типографский сплав с медью недопустимо.

В следующий раз я встретился с Джорджем после того, как прочел субботний выпуск его газетки. Я тут же задал ему головоломку.

– Как тебе не стыдно! – сказал я. – Нарочно делать орфографические ошибки и пользоваться просторечием давно уже вышло из моды! Это не смотрится даже в провинциальных газетах! Что за пошлость – публиковать письма из окрестных городов прямо в том виде, в каком они приходят? Это зачем, для вящего правдоподобия, что ли?

Ронсон как-то странно взглянул на меня и проямлил:

– Н-ну... да.

– Что – да? – напирал я. – Ты хочешь сказать, что следуешь устарелой моде, или ты делаешь это для вящего...

– Пойдем, я тебе кое-что покажу, – сказал он.

– Что именно?

– То, что я хочу тебе показать, – сказал он туманно. – Ты ведь еще не разучился набирать?

– Конечно. И что из этого?

– Тогда пойдем, – строго сказал он. – Ты опытный линотипист, и потом ты сам меня в это втравил.

– Во что?

– В это самое, – сказал он и больше не добавил ни слова, пока мы не вошли в его контору. Обшарив ящики стола, он извлек лист бумаги и протянул мне.

Физиономия его была какой-то грустной.

– Уолтер, – произнес он. – Может, я сошел с ума, но мне хотелось бы выяснить, так ли это. Вполне допускаю, что двадцать два года издавать местную газету, все делать собственными руками и стараться при этом угодить и нашим, и вашим – вполне достаточно, чтобы свихнуться, но все же я хочу знать это наверняка.

Я взглянул на него, а потом на листок, который он мне передал. Это было самое обыкновенное «письмо с места», и по почерку я сразу узнал руку Хэнка Рогга, торговца скобяным товаром в Хэйлз-Корнерзе, откуда он посылал сообщения на местные темы. Я отметил обычные для Хэнка орфографические ошибки, но само сообщение не было для меня новостью. Оно гласило: «Свадьба Х.М.Клэфлина и мисс Марджори Берк состоялась вчера вечером в доме невесты. Падружками были...»

Я поднял глаза на Джорджа, не понимая, к чему он клонит.

– Ну и что? Это было два дня назад, и я сам ходил на эту свадьбу. Ничего особенного здесь...

– Слушай, Уолтер, – сказал он, – набери этот текст. Пойди вон туда, сядь за линотип и набери эту заметку. В ней-не больше десяти-двенадцати строчек.

– Ладно, но скажи, зачем?

– Затем... Ты сначала набери, Уолтер. А потом я скажу тебе зачем.

Ну, я пошел в типографию, сел за линотип и для начала набрал пару пробных строк, чтобы свыкнуться с клавиатурой, а затем положил письмо на пюпитр и принялся за дело. Я сказал:

– Слушай, Джордж, ведь Марджери пишет свое имя через "е", а не через "о", верно?

– Верно, – отозвался Джордж странным тоном.

Я добил заметку до конца, посмотрел на него и спросил:

– Что дальше?

Он подошел, взял блок строчек с уголка и прочел перевернутый текст, как у печатников принято читать набор. Затем вздохнул и проговорил:

– Значит, дело не во мне. Взгляни, Уолтер.

Он передал мне набор, и я тоже прочел. Вернее, начал читать:

«Свадьба Х.М.Клэфлина и мисс Марджори Берк состоялась вчера вечером в доме невесты. Падружками были...»

Я ухмыльнулся.

– Слава богу, Джордж, что мне уже не приходится зарабатывать этим себе на хлеб. Пальцы больше не слушаются: в первых пяти строчках три ошибки. Но в чем дело? Можешь ты мне сказать, зачем ты заставил меня набирать эту ерунду?

Он ответил:

– Будь добр, Уолтер, набери еще раз. Я... Мне хотелось бы, чтобы ты понял это сам.

Я поглядел на него. Он показался мне таким серьезным и озабоченным, что я не стал спорить, а повернулся к клавиатуре и напечатал: «Свадьба...» потом поднял глаза к верстатке и прочел по выпавшим матрицам: «Свадьба...»

У линотипа есть одно достоинство, о котором вам, возможно, не известно, если вы не печатник. Вы всегда можете исправить ошибку в строке, если спохватитесь до того, как нажмете на рычаг, которым матричную строку посылают на отливку. Вы просто сбрасываете нужную вам матрицу и вручную вставляете ее в надлежащее место.

Ну, я ударил по клавише "ь", чтобы получить матрицу "ь" и исправить ошибку в слове «свадьба»... Но ничего не получилось. Штанга клавиши выдвинулась нормально, раздался обычный звонкий щелчок, но матрица "ь" не выпала. Я заглянул в механизм, чтобы проверить, не встал ли верх, но там все было в порядке.

– Заело, – сказал я.

Чтобы увериться окончательно, я еще с минуту нажимал на клавишу "ь" и вслушивался в звонкие щелчки. Но матрица "ь" так и не выпала, и я протянул руку...

– Оставь, Уолтер, – сказал Джордж Ронсон спокойно. – Заканчивай строку и продолжай.

Я снова уселся и решил развлекать его дальше. Так мне быстрее удастся выяснить, к чему он клонит, чем ежели я начну спорить с ним. Я закончил первую строку, пробил вторую и подошел к слову «Марджери». Я нажал клавишу "М", затем "а", "р", "д", "ж", "е"... Тут я случайно взглянул на верстатку. Матричная строка гласила: «Марджо...»

– Ч-черт, – пробормотал я и снова нажал на клавишу "е", чтобы заменить матрицу "о" на "е", но ничего не получилось. Я жал на клавишу "е", но матрица не выпадала.

– Ч-черт, – повторил я и встал, чтобы осмотреть сталкиватель.

– То-то и оно, Уолтер! – сказал Джордж. В его голосе можно было различить и некое подобие торжества – надо мной, как я полагаю; и какую-то долю страха и явного замешательства, и оттенок покорности судьбе. – Теперь ты понимаешь, в чем дело? Она точно следует оригиналу!

– Она... что?

– Потому-то я и хотел, чтобы ты сам ее опробовал, Уолтер, – сказал он. – Просто желал убедиться, что все дело в машине, а не во мне. Вот взгляни: в письме на пюпитре написано вместо «свадьба» – «свадьба» и вместо «Марджери» – «Марджори»... и, какие бы ты клавиши ни нажимал, выпадут именно эти матрицы.

– Глупости, – сказал я. – Не иначе как ты пьян, Джордж.

– Можешь мне не верить, – возразил он. – Попробуй набрать эти строки правильно. Исправь ошибку в четвертой строке, там, где написано «падружки». Я хмыкнул, взглянул на уголок, чтобы посмотреть, с какого слова начинается четвертая строка, и начал набирать.

Набрал "п" и остановился. Медленно и осторожно, не спуская глаз с клавиатуры, я положил указательный палец на клавишу "о" и надавил. Я услышал, как матрица со щелчком прошла через сталкиватель, и увидел, как она упала в верстатку. Я твердо знал, что нажал на нужную клавишу, но... Вот именно, вы уже догадались. Выпала матрица "а".

– Не верю, – сказал я.

Джордж Ронсон с тревогой взглянул на меня, криво усмехнувшись.

– Я тоже, – сказал он. – Слушай, Уолтер, пойду прогуляюсь. Я схожу с ума. Я не могу здесь больше оставаться ни минуты. А ты валяй дальше и попробуй убедить себя. Машина в твоём распоряжении.

Я глядел ему вслед, пока он не ушел. Затем с каким-то странным чувством я снова повернулся к линотипу. Прошло немало времени, прежде чем я поверил, но поверить мне пришлось.

Какие бы клавиши я ни нажимал, проклятая машина точно следовала рукописи со всеми ее ошибками.

Я решил довести дело до конца. Набрал первые два слова, а затем прошелся по рядам клавиш сверху вниз, как это обычно делается, когда заполняют пустую строку: ЭТАОИН ШРДЛУ ЭТАОИН ШРДЛУ ЭТАОИН ШРДЛУ – не глядя на верстатку. Я послал результат на отливку, схватил горячую строку, которую ножи вытолкнули из формы, и прочел: «Свадьба Х.М.Клэфлина и мисс Марджори...»

На лбу у меня выступил пот. Я вытер его, выключил линотип и отправился искать Джорджа Ронсона. Искать пришлось недолго, потому что он оказался именно там, где я и предполагал. Я тоже заказал выпивку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.